

Уздеева Татьяна Магомедовна

доцент кафедры отечественной и мировой литературы

Чеченского государственного университета

yzdeeva@mail.ru

Tat'yana M. Uzdeeva

associate professor.

Department of national and world history,

Chechen State University

yzdeeva@mail.ru

Типообразующие признаки «новых людей»: от символики до антропософии (по роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?»)»

Type-forming signs of "new people": from symbolism to anthroposophy (on the novel of N.G. Chernyshevsky "What is to be done?")

***Аннотация.** В статье рассматриваются приемы образной и публицистической характеристики «новых людей». Анализируется соотношение внешнего принципа построения образа с его внутренней мотивировкой. Автор статьи анализирует образы Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны с точки зрения типообразующих черт. Прослежены личность, ее поведение и авторская оценка личности. Автор статьи в результате анализа пришел к выводу о разрыве диалектического единства общего и особенного в авторском освещении литературного типа, об отделении «образа» от «характеристики», художественно-типического от общественно-типического. Метод художественной типизации у писателя, по мысли автора статьи, обогащается методом публицистической типизации всей группы образов «новых людей». Этот метод локализован внутри группы «новых людей», что создает качественно новый принцип типизации.*

***Ключевые слова:** тип, типообразующий признак, индивидуальное, особенное, общее, авторская оценка.*

***Abstract.** This article discusses techniques and imaginative journalistic characteristics of the "new people". The correlation of the external principle of construction of the image with its inner motivation is analyzed. The author analyzes the images of Lopukhov, Kirsanov, Vera Pavlovna from the type-forming features. The personality, its behavior and the author's evaluation of the individual is traced.*

The author as a result of the analysis concludes the break of the dialectical unity of the general and special in the author's literary type lighting, the separation of the "image" from "data" from the typical art-public-typical. Art method of the writer's typing, according to the author, is enriched by journalistic typification the entire group of images of "new people". This method is localized within a group of "new people", which creates a new principle of typing.

Key words: type, type-forming sign, personalized, special, general, the author's evaluation

Художественной формой воплощения оригинальной концепции человека в романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского выступает вся группа его «новых» героев, противостоящих «пошлomu» строю современного общества.

Групповая замкнутость лагеря «пошлых людей» отнюдь не является умозрительной схемой и строится в романе не с помощью приемов логического выделения. Процесс социального разобщения людей, показывает романист, приводит неизбежно к поляризации общественных сил, опирающихся на взаимоисключающие принципы отношения к одной и той же реальной действительности. Поэтому «новые люди» противопоставлены в романе «пошлым людям» как новая, особая в рамках существующего строя жизни общественная среда, которая консолидируется на основе четко выработанных принципов философско-политического мировоззрения, этики и бытового поведения. И хотя группа «новых людей» количественно несоизмерима с безграничным «допотопным» миром, она именно поэтому может быть отчетливо из него выделена. Противопоставленность «новых людей» всему укладу тогдашних общественных отношений толкала романиста к необходимости дать их прямую групповую характеристику, поскольку только с ее помощью оказывалось возможным указать ряд внеличных, надиндивидуальных свойств, выделяющих каждого «нового» героя в отдельности и всех их вместе из «пошлой» среды «допотопного» общества и делающих их «новыми людьми». Групповая характеристика «новых людей», таким образом, надстраивается над их индивидуальными характеристиками и подчиняет эти последние себе. Это приводит к тому, что публицистическая авторская оценка героев, принципиально неизбежная в данном произведении, становится необходимой составляющей способа типизации, конструирующего в романе образы «новых людей». Романист не подменяет публицистической характеристикой художественную, а совмещает, суммирует оба метода, обогащая каждый из них за счет другого.

Рассмотрим, как соотносятся между собой приемы образной и публицистической характеристики «новых людей».

Тема «новых людей» возникает в романе в связи с рассказом о судьбе «обыкновенной молоденькой девушки», «глупенькой девочки», «простенькой девочки» Верочки и до появления «медицинского студента» Лопухова раскрывается главным образом через сюжет. В поведении героини, в ее необычных реакциях на обыкновенные житейские положения и ситуации, в ее решимости во что бы то ни стало отстаивать свое право лично и свободно строить собственную судьбу (кстати сказать, право, не освященное ни обычаем, ни религией, ни законами государства) видит читатель проявление «новых» принципов жизнеотношения, свойственных главным героям романа. Таким образом, заставляя читателя самостоятельно размышлять над этим, романист прежде всего выдвигает на первый план оценочный смысл самого определения – «новые люди». Но образ Верочки – Веры Павловны на протяжении всего

романа является носителем своей особой функции: именно в нем прослеживается путь *становления* личности «нового человека», процесс его формирования, этапы роста. Однако этот смысловой подтекст романа не комментируется автором-рассказчиком. Групповая характеристика «новых людей» возникает в романе только тогда, когда в его действие вводятся последовательно Лопухов, затем Кирсанов. Лишь после этого и Вера Павловна подключается к этой характеристике как человек их типа.

О Лопухове читатель до непосредственного с ним знакомства знает только, что он «порядочный человек». Это хотя и оценка, но такая, которая ни в коей мере не говорит об индивидуальности героя. Затем рассказчик стремится показать Лопухова (так же, как раньше Верочку) в его поступках, мыслях и психологических реакциях. Неповторимо-индивидуальный образ героя складывается в сознании читателя раньше, чем рассказчик сам берется за его характеристику, хотя и то и другое разворачивается стремительно – в двух первых небольших разделах II главы. Авторская характеристика Лопухова выглядит здесь сначала даже не как попытка рассказчика очертить с известной степенью полноты характер, биографию или предысторию важного для действия романа героя, а скорее как необходимое дополнение к детской болтовне брата Верочки, Феде: «Нет, Федя не наврал на него...» и т. д. [7:48].

Материал этой характеристики можно разделить на две неоднородные по составу части. С одной стороны, это сведения собственно о Лопухове – они воспринимаются читателем как необходимая составная часть самого образа героя. С другой стороны, это рассуждения рассказчика о сходстве Лопухова и Кирсанова и попытка их нерасчлененной характеристики. Упоминание здесь о Кирсанове кажется немотивированным, нецелесообразным с художественной точки зрения. Из того факта, что Лопухов и Кирсанов «были величайшие друзья», что «оба рано привыкли пробивать себе дорогу своей грудью, не имея никакой поддержки» [7:49], что оба прежде нуждались, а теперь перестали нуждаться благодаря урокам и вместе живут на одной квартире, еще не следует, что всего этого никак нельзя было сказать об одном Лопухове. Целесообразность упоминания о Кирсанове мотивируется несколько позже, когда у обоих друзей отмечается одна «любопытная черта», которая «в последние лет десять стала являться между некоторыми лучшими из медицинских студентов», – «решимость не заниматься по окончании курса практикою, которая одна дает медику средства для достаточной жизни, и при первой возможности бросить медицину для какой-нибудь из ее вспомогательных наук – для физиологии, химии, чего-нибудь подобного» [7:49–50]. Но разъяснение этой «любопытной черты» все равно не становится еще достаточным обоснованием и объяснением того, о чем заявлено при первом упоминании о Кирсанове, – что «врознь от Кирсанова о Лопухове можно заметить только то, что надобно было бы повторять и о Кирсанове», и что «если бы их встречать только порознь, то оба они казались бы людьми одного характера» [7:49].

Если в начале характеристики Лопухова рассказчик говорил о необходимости дополнить представление о герое, каким оно складывалось из

Фединых слов, – и эту необходимость можно определить как внешний принцип построения этой характеристики, – то в ходе самой характеристики, как мы видим, возникает вторая – внутренняя – мотивировка той же необходимости и новое, принципиально другое обоснование отбора материала для характеристики: о Лопухове сообщается главным образом то, что можно о нем сказать в отличие от Кирсанова, т. е., по мнению рассказчика, очень не важное. Все важное, что можно и нужно сказать о Лопухове, характеризует уже не индивидуально его и не его одного, а некое реальное множество людей из числа современной молодежи. Так в роман впервые прорывается принцип, лежащий в основе групповой характеристики «новых людей».

В дальнейшем ходе II главы характер героя раскрывается исключительно в его собственных поступках и высказываниях без дополнительных авторских комментариев или экскурсов в предысторию его жизни. Таков эпизод «допрашивания ординарца» – разговор Лопухова со Сторешниковым при их знакомстве [7:52]. Таково поведение Лопухова на вечере в день рождения Верочки, когда он разгадывает расчет Марьи Алексеевны использовать его в качестве тапера [7:54]. Такова его оригинальная манера облекать серьезную мысль в шутовую форму, отчего, например, и возникает в романе его аллегорическая «невеста», которая играет столь глубоко-комическую, прямо-таки роковую для Марьи Алексеевны роль в деле освобождения Верочки «из подвала», а затем, проходя через «сны» героини, все более поэтизируется, обретая в общей концепции романа значение одного из важнейших образов-символов. Живой чертой личности Лопухова оборачивается во II главе даже его «теория расчета выгод» с ее несколько громоздкой, но неотразимой логикой.

Оригинальным приемом, применяемым для создания образа Лопухова, оказывается отношение к нему и понимание его Марьей Алексеевной. Марья Алексеевна становится своего рода «зеркалом», благодаря которому Лопухов может быть изображен в таких своих «отражениях», которые без этого не могли бы найти себе места в подцензурном произведении. Кривизна этого «зеркала», искажая очертания, укрупняет и подчеркивает суть характера героя. Благодаря этому происходит углубление аллегорически введенной в роман темы революции, активным носителем которой выступает в романе именно Лопухов, и получает доступ на страницы романа, например, такой щекотливый вопрос, как вопрос о том, какие книги давал читать Верочке Лопухов. Благодаря этому же идеализируемые, по существу, качества «новых людей» – такие как чистота их нравственных помыслов или их мировоззренческие построения – входят в роман не прямолинейно, а художественно препарированными, ибо далеко не непосредственно несут свое содержание, а как бы отягощенные конкретными обстоятельствами бытовых и психологических ситуаций.

Таким образом, рассказчику удастся нарисовать рельефный индивидуализированный характер со своей манерой ориентироваться в окружающей обстановке, реагировать на нее и противостоять ей. Этот характер воссоздается по ходу событий, проявляется в динамике собственного поведения. С художественной точки зрения такой подход к решению задачи создания образа героя представляется необходимым и достаточным, чтобы

образ оказался художественно полноценным. В принципе то же следует сказать и об образе Кирсанова. В противоположность Лопухову, Кирсанов сначала характеризуется рассказчиком — и характеризуется подробно и всесторонне — и только после этого вводится в действие романа. Однако сам по себе этот прием несколько не противоречит задачам индивидуализации характера героя, он часто встречается в литературе — достаточно напомнить о построении характеристики Онегина в романе Пушкина и Бельтова в романе Герцена, о роли развернутых предысторий героев в структуре романов Тургенева. Принцип построения характеристики Кирсанова в романе Чернышевского ничем существенным не отличается от этих общих закономерностей художественной организации материала в произведениях крупной эпической формы. Несмотря на то, что авторская характеристика героя предшествует здесь его показу в действии, сама она в VIII–X разделах III главы дается пластически выразительно, авторская оценка не столько формулируется, сколько выражается в ряде зарисовок различных «частных» обстоятельств жизни героя [7:147–148, 151]. После этой характеристики в действии романа Кирсанов проявляет себя неожиданным для читателей образом, предстает как неповторимая личность, убедительно раскрывающаяся в собственном поведении и понятная без авторских комментариев и подсказок (которых и нет в романе). Напомним такие художественно яркие эпизоды, как описание двух попыток Кирсанова овладеть своей страстью и скрыть ее от любимой женщины [7:151–154, 169–170], «теоретический разговор» Кирсанова и Лопухова [7:184–189], наконец, весь эпизод спасения Кирсановым Кати Полозовой в V главе. Типический смысл образа Кирсанова вырастает в романе как следствие и результат такого авторского анализа художественного материала образа, который не выходит из границ этого материала и ни в коей мере не схематизирует его.

Лишь после этого в романе вторично используется метод групповой характеристики «новых людей» — в самом конце II главы, в «Похвальном слове Марье Алексевне». Здесь Верочка и Лопухов отождествляются рассказчиком как лица, принадлежащие единому типу не-«плутов» и не-«дураков» [7:113] и не имеющие со стороны этой своей типичности никаких заслуживающих упоминания различий. Если Лопухов и Кирсанов могли быть сближены друг с другом ввиду общности интересов, условий быта, взглядов на жизнь, отношения к любимому делу и т. д., то у Лопухова и Верочки все эти стороны жизни существенно не совпадают. В отождествлении Лопухова и Верочки на первый план выступает момент обобщения, отвлечения от каких бы то ни было конкретных деталей и частных. Оно именно обнажает самый принцип, на основании которого совершается. Таким принципом оказывается принадлежность героев единому типу, сущностные характеристики которого исключают любые индивидуальные характеристики отдельной человеческой личности.

Мы видели, что романист широко использует метод демонстративной оценки героев и при характеристике «пошлых людей», таких как Анна Петровна, Сторешников, Марья Алексеевна, Серж, Жюли. Но делает он это, как

правило, тогда, когда высказывается об их типических свойствах. В том же «Похвальном слове» речь идет главным образом не о Верочке и Лопухове, а о Марье Алексеевне, и именно потому, что она тоже оценивается как тип.

И здесь перед нами наглядно выступает разница в самих принципах типизации, постепенно отделяющихся друг от друга и вступающих в противоречие друг с другом. Если в авторском рассуждении о Марье Алексеевне типическое значение приписывается ее индивидуальным свойствам (точно так же, как в предыдущем художественном повествовании приобретали типический смысл тоже ее индивидуальные свойства), то в оценке «новых людей» типобразующими признаками становятся только общие принципы мировоззрения, этики, поведения всей группы лиц, относимых рассказчиком к этому типу, – в данном случае еще только Верочки и Лопухова. Индивидуальные особенности их характеров и своеобразие личности каждого из них, художественно воссоздаваемые в ходе романного повествования, оказываются теперь вне пределов их типологической общности. Происходит разрыв диалектического единства общего и особенного в авторском освещении литературного типа: так называемый «образ» отделяется от так называемой «характеристики», художественно-типическое – от общественно-типического.

Противоположность авторских оценок по отношению к двум противостоящим группам героев романа начинает захватывать область художественной типизации. Происходит удвоение задач типизации в сфере характеристики «новых» героев романа: метод *художественной* типизации каждого отдельного героя дополняется методом *публицистической* типизации всей их группы. Это «сложение» двух методов подчиняется той внутрироманной закономерности, которая формирует образную систему целого произведения, и потому строго локализовано внутри группы «новых людей». В контексте художественного целого романа эта локализация превращает простую сумму двух дополняющих друг друга методов типизации в новый принцип типизации, качественно отличный от первого и рядоположный ему.

Литература

1. Вердеревская Н.А. Становление типа разночинца в русской литературе 40-60х годов XIX века. Казань, 1975.
2. Колотаев В.А. Поэтика деструктивности. Ставрополь, 1997.
3. Лебедев А.А. Герои Чернышевского. М. 1962.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. 1970.
5. Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л. 1974.
6. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М. 1999.
7. Чернышевский Н.Г. «Что делать?» Л. «Наука», 1975.

References.

1. Verderevskii N.A. Forming a plebeian type in Russian literature of 40-60ies of the XIX century. Kazan, 1975.
2. Kolotaev V.A. Poetics of destructiveness. Stavropol, 1997.
3. Lebedev A.A. Heroes of Chernyshevsky. M., 1962.
4. Lotman Yu.M. The structure of the literary text. M., 1970.

5. *Lotman L.M.* Realism in Russian literature of 60-ies of the XIX century. Leningrad, 1974.
6. *Tomashevskii B.V.* Theory of Literature. Poetics. M., 1999.
7. *Chernyshevsky N.G.* "What is to be done?" L.: Nauka, 1975.